

верженность германских племен империи и личности императора. Задолго до того, как начались вторжения в полном смысле этого слова, германцы в большом количестве оседали на землях империи в качестве солдат или колоннов; и в том и в другом случае они не только восприняли язык и религию приютившей их страны, но и неоднократно доказывали свою верность Риму. Сами вторжения, как уже говорилось, не были вызваны земельным голодом, так как маловероятно, чтобы в областях, где обработанные земли чередовались с обширными лесами и лугами, где не было перенаселения (о нем не сохранилось никаких сведений), был возможен земельный голод. Толчком, побудившим германцев вторгнуться в империю, послужили жестокие междоусобицы между отдельными племенами или же непреодолимый напор со стороны монголов, которые из Центральной Азии, подобно лавине, обрушились на Европу, проникнув за Рейн и Альпы.

Поэтому вторжения их не привели ни к систематическим разрушениям, ни к полному ограблению и расхищению всего имущества населения покоренных территорий, — если исключить случаи насилий и грабежей, неизбежные в момент первого столкновения. Возникшие в Галлии, Испании, Африке и, наконец, также в Италии романо-германские королевства не только не порвали с традициями империи, но ни в области права или экономики, ни в области религии и культуры не создали ничего нового, что можно было бы противопоставить римским учреждениям и обычаям.

При этом Фюстель де Куланж отнюдь не пытается отрицать важного значения германских вторжений в деле создания тех совершенно новых, отличных от прежних условий жизни, которые постепенно складывались на развалинах Западной империи; он лишь отрицает, что эти условия были непосредственным и прямым следствием вторжений. В действительности вторжения способствовали более быстрому крушению императорской власти и, таким образом, лишили римские учреждения той сопротивляемости, которой они, несомненно, обладали бы, если бы уцелела центральная власть. «Вторжение V века, — заключает Фюстель де Куланж, — отнюдь не повлекло за собой торжества нового народа, победу нового германского духа; но самый факт германского вторжения,